

Цикл «Губернский детектив»

Происшествие в городе Т.

Кроваво-красные бисквиты

След механической обезьяны

Смерть в салоне восковых фигур

Сердце жаворонка

Черная карусель
братьев Человековых

Губернский детективъ

ЛЕВ

БРУСИЛОВ

След механической
обезьяны

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б89

Иллюстрация *Nictorien*

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Екатерины Петровой*

Дизайн обложки *Радия Фахрутдинова*

Брусилов, Лев.

Б89 След механической обезьяны / Лев Брусилов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-247976-2

В Татаре вместе с хорошей погодой установилось затишье — ни преступлений, ни происшествий. Но однажды к заскучавшему полковнику фон Шпинне обращается фабрикант Протасов, первый татарский миллионер. По его словам, в доме происходит чертовщина: якобы механическая игрушка, обезьяна в человеческий рост, которая умеет ходить и говорить, сама выбирается из чулана и бродит по дому. Миллионер боится, что рано или поздно она кого-нибудь убьет, и просит Фому Фомича погостить у него несколько дней...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247976-2

© Брусилов Л., 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ	7
Глава 2. ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ	22
Глава 3. УЖИН В ДОМЕ ФАБРИКАНТА	32
Глава 4. ССОРА	43
Глава 5. ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА	50
Глава 6. ОБЕЗЬЯНА	58
Глава 7. БЕСЕДА ФОН ШПИННЕ С СЕРГЕЕМ.	66
Глава 8. ДЯДЯ ЕВСЕЙ	74
Глава 9. ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ДЯДИ ЕВСЕЯ.	85
Глава 10. СТРАННЫЙ РАЗГОВОР	93
Глава 11. БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ В ДОМЕ ПРОТАСОВЫХ	99
Глава 12. РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПРИЖИВАЛОК.	110
Глава 13. УБИЙСТВО	117
Глава 14. ВОЛЖАНКИН, АЛТУФЬЕВ И ФОН ШПИННЕ	126
Глава 15. ПОЯВЛЕНИЕ КОЧКИНА.	132
Глава 16. «ДЕТСКИЕ РАДОСТИ»	139
Глава 17. РАБОЧИЙ САМСОНОВ	147
Глава 18. БЕСЕДА С НОВОАРОНОВСКИМ	153
Глава 19. КОМНАТА С ПРИЗРАКОМ	164
Глава 20. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ БЕСЕДЫ С ПРИКАЗЧИКОМ	173
Глава 21. СЛЕЖКА ЗА НОВОАРОНОВСКИМ.	181
Глава 22. СЕМЕНОВ	189

Глава 23. СЕМЕНОВ ОПРАВДЫВАЕТ ВОЗЛОЖЕННЫЕ НА НЕГО НАДЕЖДЫ	197
Глава 24. СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ДОМЕ ПРОТАСОВЫХ.	207
Глава 25. ВТОРАЯ ПОЕЗДКА ФОН ШПИННЕ В БЕРЛИН . . .	215
Глава 26. ОФИЦИАНТ ТОМ	223
Глава 27. ПАРИЖ.	233
Глава 28. ИНСПЕКТОР ЖАРДИ.	244
Глава 29. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФОН ШПИННЕ	256
Глава 30. РАЗГОВОР СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ	262
Глава 31. ПРИЗНАНИЕ СУРКОВА.	269
Глава 32. ГУБЕРНАТОР ДАЕТ СОГЛАСИЕ.	279
Глава 33. ЧЕРДАК ОКРУЖНОГО СУДА	287
Глава 34. НАЧАЛЬНИК СЫСКНОЙ ДЕЛАЕТ ОЧЕРЕДНОЙ ХОД	295
Глава 35. НОЧЬ ПЕРЕД РАЗГОВОРОМ С АЛТУФЬЕВЫМ . . .	307
Глава 36. НИКИТА ПРОТАСОВ	319
Глава 37. БЕСЕДА С НИКОЛАЕМ ПРОТАСОВЫМ.	329
Глава 38. ГЛАВНЫЙ ВОПРОС	341
Глава 39. МЕССАЛИНА.	344
Глава 40. ОТКРЫВАЮТСЯ НОВЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА	358
Глава 41. БЕСЕДА С ПРОТАСОВЫМ СЕРГЕЕМ	362
Глава 42. ПРИЗНАНИЕ СЕРГЕЯ.	371
Глава 43. И СНОВА НИКОЛАЙ	377
Глава 44. ДОПРОСЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ	382
Глава 45. СЛЕДУЮЩИЙ ПОСЛЕ НОЧИ ДОПРОСОВ ДЕНЬ.	390
Глава 46. ДОПРОС РУФИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ	401
Глава 47. РЕЗКИЙ ПОВОРОТ.	413
Глава 48. ПО СЛЕДУ МЕХАНИЧЕСКОЙ ОБЕЗЬЯНЫ	421
Глава 49. КОНЕЦ СЛЕДАМ ГОВОРЯЩЕЙ ОБЕЗЬЯНЫ	430

ГЛАВА 1

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Ранним утром 5 мая 1893 года огромный дом ситцепромышленника Протасова, прозванный в Татаяре «замком», был разбужен очень громкими, переходящими в истерический визг детскими криками. Доносились они с хозяйской половины и слышны были даже в лакейском полуподвале, несмотря на толстые, в два наката, дубовые перекрытия.

Вздрогнув, горничная Фотиния проснулась, оторвала от подушки кудлатую голову. Ее чуткое ухо уловило: крик принадлежит внуку фабриканта, десятилетнему Мише. Это было удивительно, ведь Фотиния знала мальчика как тихого и милого ребенка... «Стряслось что-то!» — подумала с ужасом. Часто и гулко забилося сердце. Быстро вскочила, размашисто вытерла липкие со сна губы. Путаясь, натянула поверх ночной рубахи суконное платье, на голову — белый крахмальный чепец. Вступила в холодные башмаки и выскочила из комнаты. Тут же ее едва не сбила с ног толпа прислуги, которая мчалась по темному кори-

дору в сторону хозяйской половины. В страхе быть затоптанной, женщина прижалась к стене. Завывающим голосом, ни к кому не обращаясь, крикнула: «Что случилось-то?» Возле нее, ударившись о дверь, остановился Пашка Маврикин, выездной лакей. Глаза круглые, как у филина, волосы всклокочены, дышит хрипло, с натугой. Проорал затхло и кисло прямо в ухо: «Да опять, видать, чудище это из чулана вы-бралось...»

Начальник губернской сыскной полиции барон Фома Фомич фон Шпинне сидел в своем служебном кабинете на улице Пехотного капитана и со скучающим видом просматривал бумаги. Напольные часы в резном ореховом футляре показывали четверть девятого. С улицы сквозь неплотно прикрытые окна доносился грохот проезжающих мимо телег и крики из лавки зеленщика напротив. День только начинался. Он обещал быть солнечным и теплым. Однако хорошая погода совсем не радовала полковника фон Шпинне. В губернском городе Татаяре установилось долгое и утомительное затишье — мертвая зыбь. Вот уже несколько недель от сыскных надзирателей с околотков приходили пустые сводки — ни одного происшествия. Вынужденное безделье разлагающим образом сказывалось на сыскной. Агенты ходили сонными и вялыми, как осенние мухи. Общее настроение передалось даже полицейским лошадям — кучер Касьян, огромный, разбойничьего вида человек, жаловался, что они отказываются от ежедневной порции овса. Сам Фома Фомич с ужасом чувствовал, как к нему

в душу заползает уныние. Чтобы не дать ему восторжествовать и чем-нибудь себя занять, начальник сыскной с упорством кладоискателя рылся в старых уголовных делах. Так проходил день за днем... но не сегодня.

В дверь кабинета негромко постучали. Полковник поднял голову. В его зеленых глазах мелькнул слабый огонек надежды: а вдруг!

— Войдите, — сказал он скрипучим голосом и отложил в сторону стопку пожелтевших бумаг.

В кабинет боком втиснулся агент Свечкин, низкорослый, но очень широкий в плечах человек. «Вековой дежурный» — такое у него было прозвище. На изрытом оспой лице агента сияла улыбка. Это было хорошим знаком.

— Что тебе, братец? — с напускным равнодушием и усталостью в голосе спросил Фома Фомич.

— Тут это... К вам сам господин Протасов пожаловали, говорят, безотлагательное дело... — Слово «безотлагательное» Свечкин выговорил с трудом. Не давалась ему грамота, зато дежурный он был неплохой.

— Протасов — это который? — задумчиво спросил полковник. После его вопроса из коридора донеслось сухое, недовольное покашливание. Агент сконфуженно поджал губы, сделал шаг вперед и аккуратно затворил дверь. Затем, широко открыв глаза, отчего лоб сморщился, тихо сказал:

— Ну, как же? Савва Афиногенович Протасов — ситцепромышленник...

— Да? — Фома Фомич, сообразив наконец, о ком идет речь, и не пытался скрыть удивления. Он слышал о первом татарском миллионере, даже видел

несколько раз старика издали, но вот познакомиться им не пришлось. Более того, полковник был уверен — такие люди, как Протасов, по сыскным не ходят, у них для этого есть посыльные. А тут на тебе, собственной персоной пожаловал! Значит, есть какая-то причина. Фон Шпинне, едва заметно улыбнувшись своим мыслям, откинулся на спинку стула. Вынул из кармана белоснежный носовой платок и с видом, точно это было сейчас самым важным делом, протер крупный фамильный изумруд, сверкающий на безымянном пальце правой руки. После чего сказал:

— Ну что же, проси. — И, как бы разговаривая сам с собой, тихо добавил: — Может, в ситцах да миткалях ходить начнем! — Затем снова агенту: — Ну не стой, не стой! — Защелкал пальцами. — Давай его сюда!

Фабрикант, сутулясь, вошел в кабинет начальника сыскной. Остановился у дверей. Высокий, кряжистый, с расчесанными на прямой пробор седыми волосами. Из-под темно-синего сюртука золотыми нитями поблескивал парчовый жилет. Пригладил белую окладистую бороду, пошарил глазами по углам в поисках иконы и, не найдя, просто перекрестился.

— Образа у вас в кабинете нету, а это нехорошо! — сказал назидательно. Голос хриплый, нутряной. «С таким вокалом на клиросе не попоешь!» — мелькнуло в голове полковника.

Гость представился:

— Протасов Савва Афиногенович, промышленник.

— Фома Фомич фон Шпинне, начальник сыскной полиции! — вставая, ответил любезностью на любез-

ность хозяин кабинета. — Проходите, присаживайтесь вот на любой из этих стульев.

Полковник внимательно следил за гостем, за тем, какой стул тот выберет, и это было не случайно. Фома Фомич давно с теми, кто приходил в его кабинет, вел незаметную со стороны игру. Вдоль глухой стены стояло несколько с виду совершенно одинаковых стульев, но это с виду. Один из них именовался «свидетельским», другой — «воровским», еще один — «разбойничьим», а последний был стулом «убийцы и душегуба». Протасов стоял перед стульями не больше секунды и выбрал стул «убийцы». Лицо фон Шпинне при этом не изменилось, может быть, чуть дрогнули уголки плотно стиснутых губ. Он продолжил:

— А что касаясь образа, так скажу вам честно: ему тут не место!

— Это почему же? — ставя стул возле стола полковника, спросил старик.

Глаза его смотрели на фон Шпинне с некоторой укори́зной, словно говорили: «Много вы знаете, чему и где место...»

Подождав, пока гость сядет, начальник сыскной тоже сел и монотонно, словно читая проповедь, пояснил:

— В этой комнате в большинстве своем бывает всякое человеческое отребье: убийцы, насильники разные, просто люди злые, богохульные, и на икону они смотрят не всегда пристойно. У нас тут раньше висел образ, а потом одна бесноватая плюнула на него! Вот мы и убрали. Но с разрешения владыки Филимона!

До этого строгое лицо промышленника смягчилось. Он мотнул головой и примирительно проговорил:

— Если так, то ладно!

Хотел еще что-то добавить, даже воздуха в грудь набрал, но передумал.

Начальник сыскной решил не толочь воду в ступе и сразу же выяснить, зачем пожаловал промышленник.

— Итак, Савва Афиногенович, я вас слушаю! Какое у вас ко мне дело? — И, не мигая, уставился прямо в глаза гостю. — Вы ведь пришли по делу?

После слов полковника Протасов вдруг как-то обмяк, смутился, уронил широкие плечи и даже будто бы уменьшился в размерах. Опустил глаза и, не поднимая их, задал неожиданный вопрос:

— Фома Фомич, а вы в Бога веруете?

— В Бога? — Фон Шпинне выпрямился. Правая бровь вопросительно изогнулась, в глазах — недовольство. Он много слышал о том, что русские купцы, в особенности из числа очень богатых, пускаются во всякого рода странности. Нередко этими странностями бывают всевозможные религиозные чудачества. Взять хотя бы того же Захарьина, сатаниста, в особняке которого сейчас размещалась сыскная полиция. Поэтому вопрос не понравился полковнику. — А какое это, собственно, имеет отношение к делу? Вы ведь пришли говорить со мной не о религии?

Голос начальника сыскной зазвучал недовольно и хрустко, точно капустный лист попал на зубы.

— Верно, не о религии, — исподлобья глядя на Фому Фомича, тяжело вздохнул старик, — о другом... Просто не знаю, с чего начать... Как это вам все ловчее-то рассказать, чтобы вы, не дай бог, меня тут не засмеяли...

Промышленнику на бороду села черная муха, он согнал ее торопливым движением. С улицы доносилась хрипая брань. На первом этаже сыскной кто-то бегал, громко стуча сапогами. Фон Шпинне, сверля Протасова глазами, проговорил:

— С начала, это всегда верно!

— Ну, слушайте! — Протасов тяжело вздохнул. — Я тут внуку на день рождения игрушку подарил... Но вы не спешите думать, что это все глупости...

— Я не думаю, продолжайте.

— Игрушка эта, большая механическая обезьяна, ростом с человека, заводная. У нее на спине есть такое специальное отверстие, куда вставляется ключ...

— И что она делает после завода?

— Ходит, улыбается, говорит человеческим голосом: «Протасов Миша, здравствуй!» Это внука так моего зовут. Еще обнимает тебя, — в подтверждение старик чуть приподнялся и обхватил себя руками за плечи, — вот так!

— Да это просто чудо какое-то! — холодно проговорил фон Шпинне. Про себя же разочарованно подумал: «Какого черта? Неужели старик пришел рассказывать мне об игрушке?»

— Я тоже так решил, когда первый раз ее увидел, — продолжил купец, — потом мне все объяснили. Ока-

залось, никакого чуда нет — это механика. Пружины скручиваются и двигают обезьяну.

— Но где вы ее нашли? Насколько мне известно, в наших магазинах ничего подобного не продается. В Санкт-Петербурге?

— Да ну! — вскинул бородой Протасов и зыркнул в сторону. — Берите выше. У немцев купил, в Берлине... — проговорил это, чуть понизив голос, словно сообщал секрет.

— Это из-за игрушки вы туда ездили?

— Да я из-за нее, — промышленник качнулся вперед, стул под ним опасно затрещал, — почитай, всю Европу исколесил. Мне бы, дураку, сразу в Берлин, а я в самые дальние края подался. Думал, чем дальше заберусь, тем больше всяких разностей... Это потом уже умные люди подсказали — к немцам езжай, там найдешь!

— Сразу видно, любите вы внука! — заметил фон Шпинне только для того, чтобы как-то поддержать разговор.

— Люблю, он моя надежда. — Промышленник расплылся в улыбке, обнажая крупные желтоватые зубы. Казалось даже, что темная, дубленая кожа лица просветлела и смягчилась. — Вот у меня шестеро детей: четыре сына и две дочки — и все дураки...

— Ну, так уж и все? — с сомнением проговорил Фома Фомич и приготовился слушать скучнейшую семейную повесть.

— Да! Стал бы я на своих-то детей наговоры наговаривать. Все дураки, дочки еще туда-сюда, а сыновья... — Промышленник разочарованно мотнул

головой и шумно выдохнул. — А внука я люблю, онмышленый растет. Хоть и вялый какой-то, но голова работает, мне про это и учителя говорят...

— Итак, вернемся к нашему делу. Подарили вы внуку игрушку, и что дальше?

— Да стали с ней странности происходить...

— Странности? — Начальник сыскной натянуто улыбнулся. Это все, на что он сейчас был способен. — Я, признаться, не совсем понимаю, при чем здесь сыскная полиция?

— А вот сейчас поймете. Стала эта обезьяна по ночам ходить...

— То есть как — ходить? — облокотился на стол фон Шпинне. В глазах вспыхнул огонек любопытства, ему стало интересно. Если старик ничего не прикидывает — история занятная.

— А вот так! Выбирается из чулана, куда мы ее определили, и бродит по коридорам. Все видели, — старик проговорил это шепотом, подавшись вперед и прижимая руки к груди.

— Но ведь этого не может быть! Прежде ее нужно завести, и только тогда она будет ходить. Может, в вашем доме есть какой-то шутник, и он ее заводит?

— Поначалу я тоже так думал и потому ключ спрятал...

— А сколько, позвольте вас спросить, к обезьяне прилагалось ключей?

— Один.

— Один, — повторил вслед за Протасовым полковник и задумался. Ему показалось странным, почему

один ключ? Но он не стал заострять на этом внимание гостя и вернулся к прерванному разговору:

— Спрятали вы ключ, и что?

— А она все одно ходит... — прошептал фабрикант.

— Непонятно! Скажите мне, Савва Афиногенович, а ваш внук с этой игрушкой играет?

— Нет! — вздрогнул старик и недовольно отмахнулся.

— Почему? — тихо спросил начальник сыскной.

— Да испугался. — Промышленник глянул в одну сторону, затем в другую. — Она его чуть не задушила. Вот и спрятали ее в чулан, от греха подальше.

— Вы не пытались разобраться, отчего так произошло? Может быть, какой-то сбой механизма?

— Сначала я подумал, мол, пружину сильно накрутили. Даже телеграмму немцам отбивал. Те ответили: этого не может быть. Пружина рассчитана так, чтобы никому не причинить увечий. Правда, я им не поверил, каждый свой товар хвалит. Точно, думаю, немчура поганая, не ту пружину поставили, а теперь отнекиваются. Но вот после другого случая я стал на это дело по-иному глядеть — может, немцы тут и ни при чем...

— После какого другого случая?

— Слушайте. — Старик широко открыл глаза и прокашлялся. — Сплю я, и вдруг что-то меня разбудило, а что — непонятно. Лежу лицом к стене. Чувствую, холодком потянуло, точно двери кто в мою спальню открыл и тянет из коридора...

— Вы в комнате один спите?

— Да! Жена у себя.

— Продолжайте, что было дальше...

— Лежу, в стену смотрю, а повернуться боюсь... Чую, стоит кто-то в комнате, а дыхания не слышно, стоит и не уходит. А в этот день еще за обедом приживалки дурные...

— Какие приживалки?

— Да живут у меня три, Христа ради! Ну, так вот, приживалки эти рассказывали, что повадился к ним по ночам домовый ходить. Я над ними тогда посмеялся. «Дуры вы, — говорю, — нету никакого домового, это все бабушкины сказки». А они мне: «Зря вы так, Савва Афиногенович, не гневите духа домашнего, а то и к вам придет...» Вспомнил я ночью их слова, и одолел меня страх. Точно, думаю, домовый у меня за спиной стоит и не дышит. Лежу, не поворачиваюсь, испуг по хребту щекочет. С другой стороны, любопытно стало, а какой он из себя, этот дух дома. Решил набраться смелости и глянуть, все же я мужик, а не баба. Перекрестился малым крестом, каким обычно рот после зевания крестят, ну, чтобы от двери не видно было, потом быстро, аж в спине заломило, развернулся...

Старик замолчал. Глаза его округлились, дыхание зачастило. Руки, которые он держал перед собой, затряслись.

— И что же дальше? — шепотом проговорил фон Шпинне. Несмотря на скептицизм, с которым он относился к словам старика, полковника тоже тронул страх.

— Вижу, дверь нараспашку, — продолжил фабрикант, — а в проеме черный силуэт стоит... Лампа

пригашена, толком рассмотреть ничего не могу, лежу и молча наблюдаю. Потом набрался духу и, как приживалки учили, спросил у него...

— Что спросили?

— К худу или к добру?

— И что он вам на это?

— Ничего, стоит и молчит, а время тянется... Сердце в груди — бух-бух, бух-бух. Я с детства так не боялся. — Протасов сунул руку за ворот рубашки и оттянул вниз. — Потом он, силуэт, вздрогнул и пошел к моей кровати, я весь обомлел. Гляжу — черт, да это обезьяна! — Фабрикант тряхнул головой и, криво улыбаясь, хлопнул себя ладонями по коленям. — Подошла к кровати, уперлась в нее и говорит: «Протасов Савва, здравствуй!» А потом давай воздух обнимать...

— Погодите, «Протасов Савва»?! — воскликнул начальник сыскной. — Вы, верно, ошиблись. Не «Протасов Миша»?

— Нет, не ошибся, так она и сказала: «Протасов Савва». Ко мне обратилась. — Фабрикант гулко ударил себя в грудь кулаком. — Точно знала, к кому в комнату вошла и кто сейчас на кровати лежит. А ведь заводная игрушка этого сделать не могла...

— Что было дальше?

— Минут пять, может больше, обнимала воздух, а потом замерла на месте. Встал я, ощупал ее, точно — игрушка! Как был, в одном исподнем, утащил обезьяну обратно в чулан. Запер и спать лег...

— Вы не заметили, когда ощупывали, ключ в ней был?

— Да какой ключ! — возмущенно воскликнул фабрикант и вскинул руки. — Я же вам сказал, что спрятал его... Он у меня в ту ночь под подушкой лежал. Когда обезьяна к кровати подошла, я его нащупал. Вот тут-то меня едва удар и не хватил! Значит, она незаведенная ходит!

Видя, что Протасов уже готов с головой кинуться в омут мистики, да и, мало того, потянуть за собой начальника сыскной, последний решил вернуть гостя к реальности.

— Думаю, кто-то изготовил дубликат. Разве у нас нет мастеров?

— Не знаю даже. Уж больно ключ мудреный, такой не каждый сделает...

— Он у вас с собой?

— Да! — Протасов полез в карман сюртука, вынул отливающий бронзой ключ и передал Фоме Фомичу. Тот взял, осмотрел. Ключ и на самом деле оказался очень сложным: трубчатый, с двумя бородками, да такими хитро изрезанными... Действительно, изготовить подобную отмычку было делом сложным. «Однако, — подумал полковник, — если обезьяна ходит по дому, значит, дубликат все-таки существует». Об этом он сказал промышленнику.

— Ну не знаю, не знаю! — затряс головой Протасов. — Может быть, изготовили, а может, и нет...

— Больше игрушка вас не тревожила?

— Меня? Нет!

— Она что, к кому-то еще приходила? — Брови начальника сыскной взметнулись вверх.

— Мишку, внука, сегодня утром напугала. Так орал, чуть пуп не развязался. Это меня и заставило к вам прийти.

— Я надеюсь, с мальчиком все хорошо и обезьяна его только напугала?

— Да, жив-здоров! Она к нему в комнату вошла и сразу же остановилась...

— Чулан, где содержится игрушка, разве не запирается?

— Запирается, но замок кто-то открыл... Утром кинулись, а он на полу валяется...

— Савва Афиногенович, так что вы хотите, чтобы сделала сыскная? — оборвал Протасова полковник.

— Может быть, расследуете это дело... — старик запнулся.

— Даже не знаю... — протянул фон Шпинне. — Как-то непривычно сыскной полиции игрушками заниматься... Что начальство подумает... — Полковник поднял глаза к потолку.

— А зачем сыскная полиция? — глянул из-под кустистых бровей старик. — Сами за это дело возьмитесь. Так сказать, в частном порядке. Днем у себя здесь служите, а по ночам ко мне приезжайте. Я вам уж и комнату приготовил самую лучшую в доме... Если вы относительно платы сомневаетесь, то я вам хоть сейчас две тысячи отвалю... — Промышленник вынул из кармана пухлый коричневый бумажник и достал из него пачку разноцветных купюр.

Фон Шпинне попросил фабриканта спрятать деньги. В раздумьях выбрался из-за стола, подошел к окну. Взглянул сквозь двойные стекла на улицу. Раз-